

Пѣснь о виноградникѣ.

Опытъ истолкованія 5 главы книги пророка Исаи.

Пятая глава книги пророка Исаи содержитъ въ себѣ рѣчь, обличающую беззаконія избраннаго народа и предвозвѣщающую ему за его грѣховную жизнь великія бѣдствія.

Въ этой обличительной рѣчи съ замѣчательною рельефностію выступаютъ на видъ нѣкоторыя изъ тѣхъ особенностей, которыя характеризуютъ собою всѣ вообще обличенія ветхозавѣтныхъ пророковъ, направленные противъ ихъ соплеменниковъ. Въ ней предъ нами прежде всего—не холодное и сухое обличеніе, произнесенное лишь по обязанности, произнесенное лицомъ, которому чужды интересы обличаемыхъ, которое безразлично относится и къ ихъ счастью и къ ихъ бѣдствіямъ. Напротивъ, обличительныя слова рѣчи обнаруживаютъ въ пророкѣ-обличителѣ человѣка, который не отдѣляетъ себя отъ обличаемыхъ, но ихъ счастье считаетъ своимъ счастьемъ, ихъ бѣдствія—своими собственными. Отсюда—безотрадное настоящее и страшное будущее избраннаго народа, составляющія главный предметъ рѣчи, вызываютъ въ сердцѣ пророка живыя и разнообразныя чувства, выражающіяся въ его словахъ. Онъ съ искреннимъ состраданіемъ говоритъ о бѣдныхъ и слабыхъ своихъ соотечественникахъ, несправедливо притѣсняемыхъ сильными земли (ст. 8, 23), съ великимъ гнѣвомъ и вмѣстѣ съ горькою ироніею упрекаетъ людей, злоупотребляющихъ своею силою, богатствомъ, умомъ, властію и своими преступленіями навлекающихъ на Израиля грозный судъ Іеговы. Но преступные сыны израилевы не перестаютъ однакоже быть людьми близкими пророку, а потому хотя онъ и возмущается ихъ беззаконіями, но въ то же время глубоко скорбитъ, возвѣ-

шая имъ бѣдствія и погибель; и скорбь его достигаетъ крайней степени въ концѣ рѣчи, при изображеніи безнадежнаго положенія своихъ соотечественниковъ, угрожаемыхъ могущественнымъ и безжалостнымъ врагомъ. Поглощаемый скорбію, пророкъ какъ бы не въ силахъ болѣе продолжать рѣчь; и потому онъ быстро прекращаетъ ее, заканчивая отрывочными и, въ своей отрывочности и сжатости, не вполне ясными фразами. Видно, что при созерцаніи бѣдствій, угрожавшихъ Израилю, сердце пророка стонало въ немъ сильнѣе, нежели при созерцаніи горькой судьбы, ожидавшей моавитянъ (Ис. 16, 11).

Но являясь въ своей обличительной рѣчи близкимъ къ своему народу, искренно ему сочувствующимъ, пророкъ не забываетъ въ то же время ни на минуту, что онъ посланникъ Іеговы, ревнитель по Его славѣ, стражъ Его закона и что на его обязанности лежитъ — настаивать на проведеніи въ жизнь высокихъ нравственныхъ истинъ, выраженныхъ въ Откровеніи и бороться противъ всего, что оскорбляетъ величіе Святаго Израилева. Поэтому всѣ упреки, которыми пророкъ осыпаетъ въ своихъ обличеніяхъ незаконныхъ сыновъ Израиля, сводятся къ одному — къ упреку въ отступленіи отъ закона Господня и его забвеніи (ст. 24); въ этомъ отступленіи и забвеніи онъ указываетъ единственную причину всѣхъ частныхъ проступковъ, противъ которыхъ онъ возвышаетъ свой обличительный голосъ. Поэтому же пророкъ далеко отъ мысли смягчить строгость упрековъ и суровость угрозъ: въ тѣхъ и другихъ онъ безпощаденъ.

„Воспою Возлюбленному моему пѣснь возлюбленнаго моего о виноградникѣ Его. У Возлюбленнаго моего былъ виноградникъ на вершинѣ утучненной горы. 2) И Онъ обнесъ его оградю, и очистилъ его отъ камней, и насадилъ въ немъ отборныя виноградныя лозы, и построилъ башню посреди его, и выкопалъ въ немъ точило, и ожидалъ, что онъ принесетъ добрыя грозды, а онъ принесъ дикія ягоды. 3) И нынѣ жители Іерусалима и мужи Іуды, разсудите меня съ виноградникомъ Моимъ. 4) Что еще надлежало бы сдѣлать для виноградника Моего, что Я не сдѣлалъ ему? почему, когда Я ожидалъ, что онъ принесетъ добрыя грозды, онъ принесъ дикія ягоды? 5) И такъ Я скажу, что сдѣлаю съ

виноградникомъ Моимъ: отниму у него ограду и будетъ онъ опустошаемъ; разрушу стѣны его, и будетъ пожираемъ. 6) И оставлю его въ заустѣннн; не будутъ ни обрѣзывать, ни всканывать его; и заростетъ онъ тернами и волчцами, и повелю облакамъ не проливать на него дождя. 7) Виоградникъ Господа Саваога есть домъ Израилевъ, и мужи Иуды-любимое насажденіе Его. И ждалъ онъ правосудія, но вотъ—кровопролитіе, ждалъ правды, но вотъ—воплъ“.

„Воспою пѣснь“—говоритъ пророкъ. Ветхозавѣтные пророки, особенно раннѣйшіе, были замѣчательными поэтами; они нерѣдко облекали содержаніе своихъ пророчествъ въ поэтическія формы, придавали своимъ рѣчамъ характеръ лирическихъ пѣснопѣній. Высокою поэзіею, истинно лирическимъ характеромъ отличается и разбираемая нами рѣчь пророка. Здѣсь мы встрѣчаемъ обиліе смѣлыхъ и необыкновенно пластичныхъ образовъ, живость и глубину чувства, художественность формы, музыкальность выраженія. Что касается музыкальности, то ею особенно отличаются слова рѣчи, составляющія 1-й стихъ. Музыкальность эта даетъ себя чувствовать даже въ русскомъ переводѣ, въ подлинникѣ же она поразительна; именно начальные слова рѣчи въ подлинникѣ читаются такъ: „ашира-ша мидиди ширатъ доди лехармо. керемъ гайа мидиди бекеренъ бенъ-шаменъ“. Поэтому пророкъ въ правѣ, конечно, былъ назвать рѣчь, которую онъ хотѣлъ произнести, пѣснію, и сказать, что онъ воспоетъ ее. „Пѣснь Возлюбленнаго“. Пѣснь, которую имѣетъ воспѣть пророкъ, онъ называетъ пѣснію Возлюбленнаго. Кто этотъ Возлюбленный видно изъ послѣдующаго: это повелѣвающій облакамъ, Богъ Израилевъ, Ягова (ст. 6, 7). Но не странно ли по отношенію къ Яговѣ названіе „возлюбленный“ въ устахъ пророка? Нѣтъ. Извѣстно, что въ ветхозавѣтныхъ Писаніяхъ, и особенно въ Писаніяхъ пророческихъ, отношенія Яговы къ избранному народу нерѣдко изображаются подъ образомъ отношеній мужа къ женѣ, жениха къ невѣстѣ. Тотъ же Исаія, обращаясь въ 54 гл. своей книги къ пустынѣ неплодной, которой будетъ нѣкогда дано многочисленное потомство, или что тоже—къ будущему новому Израилю, прямо говоритъ: „твой Творецъ есть супругъ твой; Господь Саваога имя Его... Ибо какъ

жену оставленную и скорбящую духомъ призываетъ тебя Господь и какъ жену юности, которая была отвержена, говоритъ Богъ твой. На малое время Я оставилъ тебя, но съ великою милостію восприму тебя“ (ст. 5—7); и далѣе, въ гл. 62-й, сравниваетъ Іерусалимъ, прежде оставленный, а затѣмъ помилованный и взысканный милостями Іеговы, съ невѣстою, а Іегову съ женихомъ: „какъ женихъ радуется о невѣстѣ, такъ будетъ радоваться о тебѣ Богъ твой“ (ст. 5). Такимъ образомъ здѣсь Іерусалимъ, какъ средоточіе Израиля, является невѣстою, о которой радуется женихъ—Іегова, слѣд. невѣстою возлюбленною, желанною. Но съ точки зрѣнія подобныхъ отношеній пророкъ конечно могъ назвать Бога Израилева возлюбленнымъ, тѣмъ болѣе, что разсматриваемая нами рѣчь его есть, по своему началу, рѣчь приточная, аллегорически изображающая отношенія Іеговы къ избранному народу, при чемъ часть этого народа называется возлюбленнымъ насажденіемъ Господа. „Пѣснь Возлюбленнаго“. Изъ этихъ словъ слѣдуетъ, что пѣснь, которую имѣетъ воспѣть пророкъ, составлена собственно не имъ, но принадлежитъ Возлюбленному т. е. Іеговѣ, Богу Израилеву, и была сообщена пророку съ тѣмъ, чтобы онъ передалъ ее народу. Но если такъ, то правильнѣе будетъ начальныя слова пророческой рѣчи прочитать: „Воспою о Возлюбленномъ“, а не „Воспою Возлюбленному“ и видѣть въ нихъ указаніе на предметъ рѣчи, а не на лицо для котораго пѣснь предназначалась. И дѣйствительно, предметъ пѣсни пророческой, какъ показываетъ ее содержаніе, есть именно Возлюбленный, т. е. Іегова, въ его отношеніяхъ къ винограднику-Израилю; что же касается назначенія пѣсни, то она, полная горькихъ упрековъ и угрозъ, несомнѣнно предназначалась для сыновъ дома Израилева и, вѣроятно, была произнесена предъ собраніемъ жителей Іерусалима, но, быть можетъ, въ начальной фразѣ пѣсни пророка подъ возлюбленнымъ разумѣется именно домъ Израилевъ? Въ такомъ случаѣ чтеніе этой фразы „Воспою Возлюбленному“ будетъ вполне правильнымъ чтеніемъ? Нѣтъ. Слово „*yaadidz*“ (возлюбленный по русск. пер.), дважды употребленное пророкомъ въ началѣ пѣсни (лидиди), обозначаетъ у него, также какъ и „*dodz*“ (тоже возлюбленный по русск. пер.), не иного

кого, какъ Ягову, что ясно видно изъ словъ: „*керемъ гайа лидиди*“—виноградникъ былъ у Возлюбленнаго Моего. „*Ови-градникъ Ело*“. Подъ виноградникомъ разумѣется у пророка домъ Израилевъ, въ частности мужи Иуды, какъ это видно изъ 7 ст. Изображеніе дома Израилева, или ветхозавѣтной церкви подъ видомъ виноградника очень употребительно въ Писаніяхъ Ветхаго Завѣта, особенно пророческихъ; мы встрѣчаемъ его, между прочимъ, въ слѣдующихъ мѣстахъ: Ис. 3, 14; 27, 2, 3; Іер. 2, 21; Пс. 79, 9 исл. Особенно обстоятельно и поэтично это приточное изображеніе у Псалмопѣвца въ 79 пс. Упомянувъ здѣсь о перенесеніи виноградной лозы—Израиля изъ Египта въ Палестину, о распространеніи ея въ послѣдней, о бѣдствіяхъ ее постигшихъ, Псалмопѣвецъ наконецъ обращается съ молитвою къ Яговѣ и проситъ его умилосердиться надъ несчастнымъ виноградникомъ: „*Боже силъ! обратись же, призри съ неба, и воззри и пошлѣти виноградъ сей; охрани то, что насадила десница Твоя* (пс. 79, 9—16). Виноградъ по превосходнымъ качествамъ продуктовъ, имъ доставляемыхъ, высоко цѣнился древними евреями и потому они съ великою тщательностію воздѣлывали и охраняли виноградники, не щадя для этого никакихъ издержекъ. Отсюда понятно почему, въ в. з. Писаніяхъ подъ образомъ виноградника нерѣдко изображается Израиль,—народъ, который былъ избранъ изъ всѣхъ народовъ міра Яговою, и былъ Имъ хранимъ, какъ зѣница ока (Второз. 32, 10). Такъ какъ подъ виноградникомъ у пророка разумѣется Израиль, то тѣ частныя черты, которыя упомянуты далѣе, при описаніи виноградника, должны быть объясняемы не въ буквальномъ только смыслѣ, но и въ переносномъ: именно въ нихъ слѣдуетъ искать указаній на тѣ или другія обстоятельства и событія въ исторіи Израиля, въ которыхъ обнаружались—или любовь Яговы къ своему избраннику, или гнѣвъ противъ него. „*Былъ виноградникъ на вершинѣ утучненной горы*“. Въ славянскомъ переводѣ, согласно съ переводомъ LXX, это мѣсто читается; „*виноградъ бысть въ розѣ, на мѣстѣ тучнѣ*“. Переводъ этотъ ближе къ буквѣ подлинника и точнѣе передаетъ его смыслъ. Словамъ „*на вершинѣ горы*“ „въ розѣ“ въ подлинномъ текстѣ соотвѣтствуетъ слово „*керенз*“. „*Керенз*“ значитъ собственно

„рогъ“; отсюда славянск. „въ розѣ“ (LXX — ἐν κέρατι); правда, въ переносномъ смыслѣ, „керенъ“ употребляется и для обозначенія горы, но не всякой, а такой, которая высоко, на подобіе рога, поднимается надъ долиною, или сосѣдними горами, и со всѣхъ сторонъ доступна вліянію солнечныхъ лучей, что особенно благопріятно для виноградныхъ насажденій. Названіе „рогъ“ (евр. „керенъ“, арабск. „карнъ“) и въ настоящее время употребляется для обозначенія нѣкоторыхъ горъ Палестины; такъ напр. одна изъ горъ іудиныхъ, возвышающихся надъ Іорданскою равниною называется Карнъ (рогъ) Сартабе. Вершина Карнъ Сартабе, крутая и скалистая, дѣйствительно, подобно исполинскому рогу, высоко поднимается надъ сосѣдними возвышенностями. Словомъ: „утучненной, на мѣсть тучнъ“ въ еврейскомъ соотвѣтствуетъ выраженіе „бенъ-шаменъ“, что буквально значитъ „сыць тучности“. Подобный оборотъ рѣчи свойственъ всѣмъ семитическимъ языкамъ и часто употребляется въ еврейскомъ; въ этомъ послѣднемъ обычны такія напр. выраженія: „сынъ беззаконія“, „сыны огня“ (по отношенію къ искрамъ). Этотъ оборотъ рѣчи даетъ обыкновенно понять, что названное въ немъ свойство, составляетъ неотъемлемую принадлежность лица или предмета, есть свойство не случайное, но присущее природѣ этого предмета или лица; поэтому выраженіе „сынъ тучности“ въ приложеніи къ горному отрогу указываетъ, что отрогъ этотъ есть мѣсто отъ природы тучное; отсюда славянское *на мѣсть тучнъ* болѣе точно, нежели русское *утучненной*, дающее поводъ думать, что тучность горы, о которой идетъ рѣчь въ разсматриваемомъ стихѣ, есть результатъ мѣръ искусственныхъ, результатъ утучненія ея человекомъ. Но что же слѣдуетъ разумѣть подъ горою, о которой говоритъ пророкъ? Несомнѣнно, что тучная, со всѣхъ сторонъ доступная вліянію солнца гора, на которой былъ насажденъ виноградникъ—домъ Израилевъ, есть Палестина. Палестина—страна гористая. Какъ въ западной, такъ и въ восточной ея части горы преобладаютъ надъ равнинами и долинами, незначительными по занимаемому ими пространству. Начинаясь на сѣверной границѣ Палестины у подошвы Ливана и Ермона, горныя возвышенности идутъ почти сплошною массою до южныхъ палестинскихъ предѣловъ. Поэтому

въ вѣ. Писаніяхъ неоднажды вмѣсто земли іудиной, или земли галаадской говорится о горѣ іудиной (напр. I. Нав. 20, 7), или горѣ Галаадъ (напр. Второз. 3, 12). Горы Палестины въ древности отличались необыкновеннымъ богатствомъ естественныхъ произведеній. Даже скалистые горы, лишенные почвы, были полезны для обитателей страны, онѣ текли медомъ по обилію въ нихъ дикихъ пчелъ (Исх. 15, 17). Нечего уже говорить о горахъ, покрытыхъ почвою. Слѣды плодородія, тучности почвы горъ палестинскихъ сохранились и донынѣ, что особенно слѣдуетъ сказать о горахъ восточной ея части: здѣсь можно встрѣтить разнообразныя произведенія какъ тропическаго, такъ и умѣреннаго поясовъ. Поэтому пророкъ, конечно, могъ говорить въ приточной рѣчи о Палестинѣ, какъ о тучной горѣ, какъ о мѣстѣ вполне пригодномъ для насажденія возлюбленнаго виноградника Іеговы.

Ст. 2. *И Онъ обнесъ его оградю.* Въ переводѣ славянскомъ эта фраза читается: *и оградженіемъ оградихъ*. Но какъ русскій, такъ и славянскій переводы не соотвѣтствуютъ въ данномъ случаѣ подлиннику. По утвержденію западныхъ авторитетныхъ переводчиковъ, основательно знакомыхъ съ семитическими языками, начальную фразу 2 ст. слѣдуетъ, согласно съ подлинникомъ, читать: „и вскопалъ его“. Но въ чемъ же причина уклоненія отъ подлинника и русскаго и славянскаго переводовъ? Причина заключается въ самомъ подлинникѣ. Въ еврейскомъ текстѣ 2 стихъ начинается словомъ *изсекъ*. Слово *изсекъ* принадлежитъ къ такъ называемымъ *אָפֵקַ* *לֶעֱבֹרָה*, т. е. къ числу словъ, однажды употребленныхъ во всей ветхозавѣтной Библии. Встрѣтившись съ нимъ, древніе греческіе переводчики (LXX), естественно затруднились въ опредѣленіи истиннаго его значенія и должны были прибѣгнуть относительно этого значенія къ догадкамъ. Но прочитавъ въ 5 ст. слова: *отниму у него ограду*, они легко могли предположить, что во 2 ст., говорящемъ объ устройствѣ виноградника, неизвѣстное слово *изсекъ* указываетъ на возведеніе этой ограды; вслѣдствіе этого они и перевели его фразою *φραγμόν περιέδηκα*, по славянски *оградженіемъ оградихъ*; на сторону греческихъ и славянскихъ переводчиковъ склонились и переводчики русскіе. На какомъ же, однако, основаніи современные авторитетные гебраисты слово *изсекъ* передаютъ

словомъ „вскопаль“? Для уразумѣнія словъ древнееврейскихъ, истинное значеніе которыхъ темно, гебраисты обыкновенно обращаются къ сроднымъ семитическимъ языкамъ, преимущественно къ сирскому и арабскому. Такъ поступаютъ они и при уясненіи значенія слова *иззекъ*; въ этомъ случаѣ имъ оказываетъ помощь языкъ арабскій: арабское слово *мизакъ* соотвѣтствующее древнееврейскому „*иззекъ*“ значитъ: вскапывать мотыкою, киркою; отсюда *иззекъ*—вскопаль. Такое значеніе, придаваемое слову *иззекъ*, оправдывается контекстомъ; ибо, съ одной стороны—вершину горы, имѣющей форму рога, трудно приготовить подъ виноградникъ обычнымъ способомъ, т. е. плугомъ, запряженнымъ волами: здѣсь, для смягченія почвы, всего удобнѣе ручная работа; а съ другой стороны—очищенію извѣстнаго мѣста отъ камней, о чемъ далѣе идетъ рѣчь въ разсматриваемомъ стихѣ, должно естественно предшествовать вскапываніе этого мѣста, а не огражденіе его оградой.—*„И Онъ ископалъ его (обнесъ оградой), и очистилъ его отъ камней“*.—До пришествія Израиля въ страну обѣтованія, страна эта была населена хананеями—многочисленнымъ племенемъ язычниковъ, дошедшихъ до послѣдней степени нравственнаго паденія. Подобно плевеламъ, подобно камнямъ, покрывающимъ почву, они могли задержать правильное развитіе избранной лозы—Израиля, или же и вовсе погубить ее. Но Иегова мышцею высокою и десницею крѣпкою изгналъ хананеевъ предъ лицомъ своего избранника, почему и говоритъ, обращаясь къ Иеговѣ, Псалмопѣвецъ: „Ты рукою Своею истребилъ народы, а ихъ (сыновъ Израиля) насадилъ; поразилъ племена, и изгналъ ихъ“ (пс. 43, 3).—*И насадилъ въ немъ отборныя лозы. „Отборныя виноградныя лозы“*, по славянски „*лозу избранну*“; здѣсь въ подлинномъ текстѣ употреблено слово „*сорекъ*“ (отсюда у LXX: ἄμπελον Σορήχ). *Сорекъ* есть еврейское названіе особой породы винограда, отличающейся превосходными качествами своихъ плодовъ. Ягоды сорека очень сладки, имѣютъ весьма мелкія зерна, цвѣтъ ихъ—красный съ голубымъ отливомъ. Въ древности одна изъ палестинскихъ долинъ называлась долиною Сорекъ (Суд. 16, 4), вѣроятно потому, что въ ней преимущественно разводился виноградъ этой породы. Отборныя виноградныя лозы—это Израиль—любимое насажденіе

Господа, по слову пророка, Израиль, происшедшій отъ Авраама, друга Божія, имѣвшій въ средѣ своей не мало людей по сердцу Іеговы. *И построилъ башню посреди его.* Башня посреди виноградника—Іерусалимъ, средоточный пунктъ Израиля, резиденція его царей изъ дома Давидова, Іерусалимъ съ своею крѣпостію Сіономъ. Іерусалимъ и Сіонъ называются башнею у пр. Михея. *А ты башня стада, холмъ дочери Сіона! къ тебѣ прійдетъ и возвратится прежнее владычество, царство къ дочерямъ Іерусалима* (Мих. 4. 8). Но башни въ древней Палестинѣ имѣли опредѣленное назначеніе: онѣ были сторожевыми башнями и стражи обозрѣвали съ нихъ окрестности, дабы въ случаѣ приближенія опасности предупредить о ней, кого слѣдуетъ. Такимъ образомъ башня, устроенная въ виноградникѣ, предполагаетъ стражей, ктоже они? Пророки. Пророки, описывая состояніе внутренняго созерцанія, въ которомъ они находились въ минуты высшаго озаренія, иногда сравниваютъ себя именно со стражами, обзирающими окрестности съ возвышенныхъ мѣстъ. *На стражу мою сталъ я, говоритъ о себѣ пр. Аввакумъ, и, стоя на башнѣ, наблюдалъ, чтобы узнать, что скажетъ Господь ко мнѣ* (Аввак. 2, 1). „*И выкопалъ въ немъ точило*“. Точила для добыванія вина изъ винограда устроивались въ виноградникахъ; они изсѣкались въ скалахъ, или вырывались въ землѣ и, въ послѣднемъ случаѣ, выкладывались камнями. Каждое точило состояло изъ двухъ отдѣленій—верхняго и нижняго. Въ верхнее, которое по еврейски называлось *гатъ*, складывались виноградныя кисти для выжиманія изъ нихъ сока. Выжатый сокъ стекалъ чрезъ рѣшетчатое отверстіе, изъ верхняго отдѣленія въ нижнее, а отсюда его сливали въ глиняные сосуды и мѣха. Нижнее отдѣленіе точила евреи называли *йекевъ* (Herzog's Real-Encykl., VII, 502 Schenkel's Bibel-Lex., 111, 513). Слово *йекевъ* и употреблено въ подлинномъ текстѣ разсматриваемаго выраженія; и потому у LXX стоитъ *προλήγουσ*, въ славянск.-предточилиіе. Впрочемъ *йекевъ* упогребляется иногда въ вз. писаніяхъ для обозначенія точила вообще. — Точило—это храмъ, въ которомъ Израиль долженъ былъ изливать предъ своимъ Богомъ лучшія чувства своего сокрушеннаго и умиленнаго сердца, а вмѣстѣ съ тѣмъ и утолять свою духовную жажду, черпая

изъ источника духовныхъ сладостей, духовной жизни. *Насыщаются отъ тука дома твоего, говоритъ псалмопѣвецъ о приходящихъ въ храмъ, и изъ источника сладостей Ты наполешь ихъ. Ибо у Тебя источникъ жизни* (35, 9, 10).

Ст. 3—7. Повидимому, только съ 3 ст. начинается пѣснь Возлюбленнаго, такъ какъ отъ лица Возлюбленнаго пророкъ начинаетъ лишь здѣсь; доселѣ же онъ говорилъ отъ своего лица. Но на самомъ дѣлѣ 5 гл. съ начала и до конца представляетъ собою, одно цѣлое, — одну пѣснь, которая принадлежитъ Возлюбленному и содержаніе которой пророкъ долженъ былъ передать жителямъ Іерусалима; онъ и передаетъ, говоря при этомъ, по обычаю всѣхъ вообще ея пророковъ, то отъ своего лица, то отъ лица Возлюбленнаго — Іеговы.

„Я скажу вамъ, что сдѣлаю съ виноградникомъ Моимъ: отниму у него ограду и будетъ онъ опустошаемъ, разрушу стѣны его, и будетъ попираемъ. И оставлю его въ запустѣніи“ и т. д. Общій смыслъ этихъ образовъ разрушенія и опустошенія ясенъ. Израиль, содѣлавшій вмѣсто праведности, которая ожидалась отъ него, беззаконіе, будетъ оставленъ Іеговою, дотолѣ охранявшимъ его Своею любовію, какъ бы двойною оградю; вельдствіе этого города его будутъ разрушены, благословенная земля его будетъ опустошена и одичаетъ. Но объ этомъ опустошеніи и опустошителяхъ пророкъ подробно говоритъ въ дальпѣйшихъ стихахъ разсматриваемой главы.

8. „Горе вамъ, прибавляющіе домъ къ дому, присоединяющіе поле къ полю, такъ что другимъ не остается мѣста, какъ будто вы одни поселены на землѣ. 9. Въ уши мои сказалъ Господь Саваоѣ: многочисленныя дома эти будутъ пусты, большіе и красивые — безъ жителей; 10. Десять участковъ въ виноградникѣ дадутъ одинъ бать, и хомеръ посѣяннаго зерна едва принесетъ эфу. 11. Горе тѣмъ, которые съ ранняго утра ищутъ сикеры, и до поздняго вечера разгорячаютъ себя виномъ. 12. И цитра и гусли, тимпанъ и свирѣль, и вино на пиршествахъ ихъ; а на дѣла Господа они не взираютъ, и о дѣянїяхъ рукъ Его не помышляютъ. 13. За то народъ мой пойдетъ въ плѣнъ не предвидѣнно, и вельможи его будутъ голодать, и богачи его будутъ томиться жаждою. 14. За то преисподняя разшири-

ласть, и безъ мѣры раскрыла пасть свою; и сойдетъ туда слава ихъ, и богатство ихъ и шумъ ихъ, и все, что веселитъ ихъ. 15—и преклонится человекъ, и смирится мужъ, и глаза гордыхъ поникнуть; 16. А Господь Саваоѣ превознесетъ въ судъ, и Богъ Святой явитъ святость Свою въ правдѣ. 17. И будутъ пастись овцы по своей волѣ, и чужіе будутъ питаться оставленными жирными пажитями богатыхъ“.

Начиная съ 8 ст. и по 23 пророкъ перечисляетъ частныя виды беззаконія Израиля, которое навлекло на него гнѣвъ Иеговы, возвѣщаетъ беззаконникамъ горе и указываетъ, въ чемъ именно будетъ состоять оно.

Стт. 8—10. Первый видъ беззаконія Израилева — ненасытное стремленіе къ приобрѣтенію и умноженію имущества. Богатые современники пророка прибавляли домъ къ дому, захватывали въ свои руки земельные участки, — принадлежавшіе другимъ, и въ послѣднемъ случаѣ дошли до того, что вовсе обезземелили бѣдныхъ своихъ соотечественниковъ. Эта алчность была тѣмъ преступнѣе, что шла въ рѣшительный разрѣзъ съ духомъ закона, съ его прямыми и настоячивыми требованіями. Моисеевъ законъ, опредѣляя имущественныя отношенія израильскаго народа, настаивалъ на томъ, чтобы каждый израильянинъ владѣлъ участкомъ земли. По закону земельная собственность не могла быть никогда отчуждена окончательно. Участокъ земли, проданный кѣмъ либо по бѣдности, во всякое время могъ быть выкупленъ и, во всякомъ случаѣ, въ юбилейный 50-й годъ непременно долженъ былъ поступить снова въ собственность того рода, которому принадлежалъ до продажи (Лев. 25, 13. 24—28). Но сильные своимъ богатствомъ евреи, время Исаи, не хотѣли знать подобнаго рода постановленій. Насколько были обычны захваты земель, а также домовъ въ дни нашего пророка, видно изъ того, что его современникъ, пророкъ Михей, также считалъ нужнымъ возвышать противъ этихъ захватовъ свой обличительный голосъ. Такъ въ первыхъ стихахъ 2-й гл. своей книги онъ говоритъ: „Горе замышляющимъ беззаконія и на ложахъ своихъ придумывающимъ злодѣянія, которыя совершаютъ утромъ на разсвѣтъ, потому что есть въ рукахъ ихъ сила. Пожелаютъ по-

лей, и берутъ ихъ силою; домовъ, — и отнимаютъ ихъ; обираютъ человека, и его домъ, мужа, и его наслѣдіе“. Понятно, что при такихъ незаконныхъ захватахъ не обходилось безъ жестокостей со стороны сильныхъ; жестокости же должны были естественно вызывать вопли и стоны угнетаемыхъ. Поэтому-то выше у пророка замѣчено, что „Господь ждалъ отъ Израиля правосудія, но вотъ кровопролитіе, ждалъ правды, и вотъ вопль“. Но къ горькимъ послѣдствіямъ приведетъ эта ненасытная алчность; многочисленные дома, пріобрѣтенные корыстолюбцами, заустѣютъ нѣкогда, по слову пророка, и ихъ обширныя земли сдѣлаются безплодными, такъ что напр. урожай, который будетъ давать засѣянная нива, доставитъ хлѣба несравненно менѣе, нежели сколько было употреблено его на засѣвъ; подобнымъ же образомъ оскудѣютъ и виноградники: „десять участковъ въ виноградникъ дадутъ одинъ батъ, и хомеръ засѣянаго зерна едва принесетъ эфу“. Совершенно иначе, нежели въ русскомъ, читается этотъ 10-й ст. въ славянскомъ переводѣ, а именно: „идъже возорютъ десять супругъ воловъ, сотворитъ корчагъ одинъ, и съяй артавасъ шесть сотворитъ мѣры три“. Несомнѣнно, что различіе между переводами русскимъ и славянскимъ здѣсь очень значительно, и съ перваго взгляда можетъ показаться, что LXX, которымъ слѣдовали славянскіе переводчики, имѣли иной подлинный текстъ, нежели какой существуетъ нынѣ и какой имѣли подъ руками переводчики русскіе. Но это только съ перваго взгляда: и тогда подлинникъ былъ тотъ же, что и теперь. Причина же различія въ томъ, что LXX сочли нужнымъ не перевести только еврейскій текстъ 10-й ст., но истолковать его, пояснить непонятныя для ихъ современниковъ древне-еврейскія измѣренія, названныя въ 10-й ст. Десять частей виноградника, — но какія это части? У древнихъ евреевъ часть воздѣланной земли занимала столько пространства, сколько знающій дѣло и усердный земледѣлецъ могъ вспахать въ цѣлый рабочій день на парѣ воловъ; для того, чтобы вспахать за одинъ день 10 такихъ частей, нужно было 10 паръ воловъ; и вотъ, чтобы сдѣлать свой переводъ вполне яснымъ, LXX не вполне определенное выраженіе подлинника: „десять частей виноградника“ замѣнили болѣе

опредѣленную фразой, которая по славянски читается: „идѣже возорють десять супругъ воловъ“. Бать, хомеръ и эфа—древнееврейскія измѣренія, употреблявшіяся — первый для жидкостей, послѣдніе для зерноваго хлѣба. Но батомъ, хомеромъ и эфою не измѣряли уже тѣ современники LXX, для которыхъ они прежде всего предназначали свой переводъ, а потому переводчики вмѣсто „бать“ поставили *κεράμιον*—глиняный сосудецъ, вмѣсто „хомеръ“ — *ἄρταβη* — употребительное въ ихъ время и въ ихъ странѣ персидское измѣреніе, вмѣсто „эфа“ — *μέτρα τρία*—такое количество зеренъ, или муки, какое было необходимо для приготовления однихъ хлѣбовъ. Припомнимъ притчу Спасителя о закваскѣ, гдѣ говорится, что закваска была положена женщиною въ три мѣры муки (Мѡ. 13, 33).

Стт. 11—17. Второй видъ беззаконія обличаемыхъ пророкомъ израильтянъ—чувственный образъ жизни. Какъ видно изъ обличеній Исаія, его алчные и разбогатѣвшіе современники пиршествовали съ ранняго утра и до поздней ночи; виноградное вино, котораго, по множеству виноградниковъ въ древней Палестинѣ, было конечно въ изобиліи на ихъ пиршествахъ, не удовлетворяло ихъ: оно было очень легко, не достаточно ихъ разгорячало; и потому они отдавали преимущество *сикеръ*—вину искусственному, которое приготовлялось изъ меда, изюма, финиковъ и другихъ плодовъ, а также изъ ячменныхъ зеренъ, и очень скоро опьяняло; пьяные пиры разнообразились игрою на всевозможныхъ музыкальныхъ инструментахъ. Но подобнаго рода пиршества и не давали времени пирующимъ, да и дѣлали ихъ неспособными углубиться мыслію въ современное положеніе дѣлъ какъ въ ихъ странѣ, такъ въ странахъ сосѣднихъ и предугадать,—что было не особенно трудно, — тѣ послѣдствія, къ которымъ немигучею должна была привести ихъ неразумная ихъ жизнь: „на дѣла Господа они не взирають, и о дѣланіяхъ рукъ Его не помышляютъ“. Дѣла Господа, дѣланія рукъ Его,—это вѣчный, путемъ грозныхъ судовъ ведущій человѣка ко спасенію Божественный совѣтъ, поскольку онъ осуществляется въ исторіи, постоянно направляемой къ извѣстнымъ цѣлямъ высшею Десницею и потому поучительной для внимательно присматривающихся къ

ходу ея событій. Но когда же мыслить о чемъ бы то ни было и къ чему либо присматриваться съ головою отуманенною виномъ, отупѣвшею среди шума пиршествъ? И за то, возвѣщаетъ пророкъ, Израиль пойдетъ въ плѣнъ непредвидѣнно ¹⁾ и обильныя яствами и напитками пиршества его знатныхъ и богатыхъ смѣнятся голодомъ и жаждой. Но этого мало: въ шеоль низойдетъ все славное, богатое, вѣселящееся и высокоумѣрное въ Израилѣ: „За то преисподняя расширилась и безъ мѣры раскрыла пасть свою; и сойдетъ туда слава ихъ, и богатство ихъ, и шумъ ихъ, и все, что весело ихъ. И приклонится человекъ и смирится мужъ, и глаза гордыхъ поникнутъ“. Но что это за преисподняя — шеоль? Еврейское слово „шеоль“ объясняютъ, по его происхожденію и первоначальному значенію, не одинаково. Прежде почти всѣ толкователи въ Писаніи производили его и въ настоящее время нѣкоторые, между прочимъ Каспари, производятъ отъ корня „шаалъ“, что значитъ „требовать“. Производимое отъ этого корня слово „шеоль“, по объясненію сторонниковъ такого производства, прежде всего значитъ рѣшительное, роковое требованіе, предъявляемое всему земному, требованіе, которому не возможно не подчиниться; далѣе — соеди-

1) Въ 13 ст. вмѣсто русскаго „непредвидѣнно“ по славянски значитъ „занеже не вѣдѣти иль Господа“. Причина этого различія заключается въ подлинномъ текстѣ. Въ евр. словѣ „мибли“ можно видѣть и отрицаніе и указаніе на причину чего либо. Въ послѣднемъ смыслѣ приняты указанное слово LXX и фразу „мибли—даатъ“ перевели: *διὰ τὸ μὴ εἶδέναι* — по причинѣ невѣдѣнія, занеже не вѣдѣти; „по причинѣ невѣдѣнія“: но чего же, или кого же? отвѣтъ на этотъ вопросъ LXX нашли въ предшествующемъ стихѣ, гдѣ говорится о незнаніи грѣшниками Господа и дѣлъ Его; поэтому они къ словамъ *διὰ τὸ μὴ εἶδέναι* прибавили *τοῦ Κυρίου*—Господа. Русскому переводу слѣдуетъ однако отдать предпочтеніе, между прочимъ и потому, что на его сторонѣ стоятъ лучшіе изъ западныхъ толковниковъ книги Исаи (Дрекселеръ, Деличь), а главнымъ то образомъ потому, что правильность его подтверждается контекстомъ. Въ 12 ст. уже указана причина отведенія въ плѣнъ беззаконнаго народа—это ни чѣмъ неоправдываемое невѣдѣніе дѣлъ Господнихъ. Зачѣмъ же пророку чрезъ нѣсколько словъ, въ слѣд. стихѣ, снова говорить о ней? Ясно, что словами мибли—даатъ онъ указываетъ на что-то другое и именно на то, что народъ пойдетъ въ плѣнъ непредвидѣнно, что такой исходъ обманетъ его надежды, основанныя на известномъ положеніи дѣлъ превратно понятыхъ.

няемое съ представленіемъ о пространствѣ, оно обозначаетъ мѣсто вѣчнаго мрака, куда съ неумолимостію увлекается все, находящееся на землѣ; наконецъ соединяемое съ представленіемъ о живомъ существѣ (шеоль въ вз. Писаніяхъ олицетворяется), слово „шеоль“ становится названіемъ мрачной проклятой силы, существованіе которой допускается Богомъ, и которая влечетъ къ себѣ все земное и поглощаетъ. На сторонѣ такого производства и объясненія стоитъ отчасти Эйлеръ по столько, по скольку оно согласуется съ ветхозавѣтнымъ представленіемъ о ненасытной алчности царства смерти (Herzog's Real-Encykl. XXI, 612). По другому мнѣнію, раздѣляемому многими изъ западныхъ толковниковъ новѣйшаго времени, „шеоль“ происходитъ отъ корня „шалъ“, съ которымъ связывается понятіе о чемъ-то бездонномъ, глубокомъ; производимое отъ этого корня, слово „шеоль“ будетъ значить: прощась, бездна. Такое производство и значеніе соотвѣтствуетъ вз. представленію о шеолѣ, какъ мѣстѣ, находящемся во внутренности земли; отсюда—встрѣчающіяся въ вз. Писаніяхъ выраженія: „шеоль, внизу находящійся“, или, по русск. (синодск.) переводу „адъ преисподній“ (Второз. 32, 22), „глубины земли“, или, по русск. перев., „преисподняя земли (пс. 62, 10), страна „глубины“ или „преисподняя страна“ (Іез. 31, 14) ¹⁾. Шеоль—мѣсто противоположное странѣ свѣта и жизни, находящейся въ высшихъ сферахъ (Іез. 26, 20), или землѣ живыхъ, мѣсто тьмы и обнаруженія во мракѣ и огнѣ гнѣва Божія, мѣсто, куда сходятъ всѣ умирающіе. Впрочемъ при такихъ представленіяхъ о шеолѣ въ в. завѣтѣ все же существовала вѣра въ то, что отношенія, въ которыхъ здѣсь на землѣ находится Ісгова къ праведнымъ, не прекращаются окончательно вмѣстѣ съ смертью послѣднихъ, что, напротивъ, всѣ тѣ люди, которые въ теченіе земной жизни прилѣплялись къ Богу Живому, и въ шеолѣ, во мракѣ смертномъ сохра-

¹⁾ Существуют и другія объясненія слова „шеоль“. Слѣдуетъ однакоже замѣтить, что вопросъ о томъ, отъ какого собственно корня происходитъ слово „шеоль“ и каково именно первоначальное его значеніе — вопросъ доселѣ еще не рѣшенный. Haegelsbach, der Prophet Iesaja. s. 61 (Bibelwerk, herausg. von Lange. Des A. Testamentes XIV Th.).

пляютъ въ себѣ сѣмена вѣчной жизни, и хотя находятся здѣсь подъ гнѣвомъ Божиимъ, но въ то же время ощущаютъ и вѣяніе Божественной любви. И эта вѣра давала возможность вз. мудрецамъ не совершенно безнадежно, не безъ отраднхъ предчувствій останавливаться мыслью на загадкѣ, какую предлагала имъ смерть и царство смерти — шеолъ; эта вѣра легла въ основу вз. ученія пророковъ о воскресеніи мертвыхъ и она же вызвала изъ сердечной глубины Псалмопѣвца слѣдующія слова: *„какъ овецъ заключитъ (Господь) ихъ (беззаконниковъ) въ преисподнюю; смерть будетъ пасти ихъ, и на утро праведники будутъ владычествовать надъ ними; сила же ихъ истощится, могила-жилище ихъ. Но Богъ избавитъ душу мою отъ власти преисподней, когда приметъ меня“* (пс. 48, 15, 16). И вотъ въ эту-то бездну, въ эту страну мрака и смерти спадутъ, по слову пророка, славные и богатые дома Израилева, веселящіеся мужи Іуды, и уже конечно безнадежно, не сохранивъ въ себѣ сѣмени вѣчной жизни, и такимъ образомъ унизятся ихъ высокомеріе и смирится гордость. Они не хотѣли превозносить Іеговы, прославлять Его своею дѣятельностію, святить имя Его своею жизнью; тѣмъ не менѣе Іегова превознесется, но уже тѣмъ, что совершитъ Свой грозный судъ надъ ними, явитъ святость Свою, но уже въ карающей правдѣ. Дважды былъ поглощаемъ ненасытнымъ шеоломъ средоточный пунктъ виѣшней и внутренней жизни избраннаго народа — Іерусалимъ, — въ первый разъ, во время халдейскаго, въ послѣдній — въ дни римскаго опустошенія; видимое его разрушеніе было лишь виѣшнею стороною невидимаго его поглощенія мрачною проклятою силою шеола. Впрочемъ и по виѣшной своей сторонѣ древній Іерусалимъ поглощенъ внутренностію земли. Подобно грандіознымъ развалинамъ Вавилона и Ниневіи, которыя занесены цѣлыми горами пустыннаго песку, и остатки древняго Іерусалима глубоко погребены подъ землею; и только въ послѣднее время до нѣкоторыхъ изъ нихъ проникли, путемъ раскопокъ, неутомимые ученые путешественники. Если же взять во вниманіе то, что обѣтованная земля въ настоящее время служить почти сплошнымъ громаднымъ пастбищемъ для арабскихъ пастушескихъ племенъ, что современный Іерусалимъ, возникшій на развалинахъ древняго,

есть мусульманскій городъ, то во всемъ этомъ нельзя не признать буквального исполненія и слѣдующихъ словъ нашего пророка: „и будутъ пастись овцы по своей волѣ и чужіе будутъ питаться оставленными тучными пажитями богатыхъ“.

Доселѣ пророкъ касался въ своихъ обличеніяхъ внѣшнихъ, чувственныхъ, такъ сказать, беззаконій своихъ соплеменниковъ — жажды къ приобрѣтенію богатства, пьянства и вообще разгульной жизни. Далѣе онъ обличаетъ грѣхи духовные, теоретическіе.

„18. Горе тѣмъ, которые влекутъ на себя беззаконіе вервами суетности, и грѣхъ, какъ бы ремнями колесничными. 19. Которые говорятъ: пусть Онъ поспѣшитъ и ускоритъ дѣло Свое, чтобы мы видѣли, и пусть приблизится и придетъ въ исполненіе совѣтъ Святаго Израилева, чтобы мы узнали! 20. Горе тѣмъ, которые зло называютъ добромъ, и добро зломъ, тьму почитаютъ свѣтомъ, и свѣтъ тьмою, горькое почитаютъ сладкимъ и сладкое горькимъ! 21. Горе тѣмъ, которые мудрч въ своихъ глазахъ и разумны предъ самими собою! 22. Горе тѣмъ, которые храбры нить вино и сильны готовить крѣпкій напитокъ. 23. Которые за подарки оправдываютъ виновнаго, а правыхъ лишаютъ законнаго!“

„Горе тѣмъ, которые говорятъ: пусть Онъ поспѣшитъ и ускоритъ дѣло Свое, чтобы мы видѣли, и пусть приблизится и придетъ совѣтъ Святаго Израилева, чтобы мы узнали“. Дѣло и совѣтъ Святаго Израилева, о которыхъ здѣсь идетъ рѣчь,—это несомнѣнно тотъ грозный судъ, который, по опредѣленію Божественному, долженъ постигнуть беззаконнаго Израиля, и который былъ возвѣщаемъ какъ Исаіею, такъ и другими пророками отъ лица Іеговы. Говоря: „*пусть ускоритъ дѣло Свое, чтобы мы видѣли, придетъ во исполненіе совѣтъ Святаго Израилева, чтобы мы узнали*“, современники Исаіи очевидно сомнѣвались въ справедливости его предвозвѣщеній, и для того, чтобы убѣдиться въ томъ, что онъ говорить правду, имъ нужно было самимъ видѣть исполненіе его предсказаній. Но не сомнѣніе только, почти всегда извинительное и не рѣдко заслуживающее сочувствія, слышится въ разсматриваемыхъ словахъ. Нельзя же

въ самомъ дѣлѣ серьезно желать скорѣйшаго наступленія бѣдствій для того только, чтобы убѣдиться въ правдивости предсказаній о нихъ. Подобнаго рода желаніе можно высказать лишь шутя, при полной увѣренности въ невозможности исполненія желанія, иначе при положительномъ невѣрїи. Да, шутя, и притомъ съ злою шуткою, съ сарказмомъ высказывались разбираемыя слова. „Святый Израилевъ“ — это любимое выраженіе пророка Исаи для обозначенія Іеговы, и потому современники его, говоря: *„пусть прїдетъ въ исполненіе советъ Святаго Израилева“*, повторяли слова пророка, передразнивали его и такимъ образомъ издѣвались какъ надъ нимъ, такъ и надъ Святымъ Израилевымъ. Но невѣрїе религіозное, высказываемое съ злобною шуткою надъ тѣмъ, кому и чему не вѣрится, есть крайнее невѣрїе, далѣе котораго нельзя уже идти, невѣрїе въ самой недостойной формѣ, свидѣтельствующее не объ отрицательномъ только направленіи ума, но и объ отсутствіи въ сердцѣ элементовъ благородства. И потому то пророкъ нашъ видитъ въ этомъ частномъ беззаконіи Израиля одну изъ главныхъ причинъ неизбежности суда Божественнаго, смотритъ на него, какъ на такое беззаконіе, при существованіи котораго въ избранномъ народѣ этотъ послѣдній неминуемо долженъ подвергнуться предвозвѣщаемымъ бѣдствіямъ раззоренія, опустошенія и плѣна. Такая именно мысль, какъ кажется, высказана пророкомъ въ 15 ст., гдѣ онъ говоритъ: *„горе тѣмъ, которые влекутъ на себя беззаконіе вервами суетности, и грѣхъ какъ бы ремнями колесничными“*. Правда, здѣсь говорится о насильственномъ привлеченіи какъ бы вервами суетности и ремнями колесничными беззаконія и грѣха, о горестныхъ же послѣдствіяхъ ихъ прямо не упоминается; но древніе евреи, съ точки зрѣнія вз. ученія о воздаяніи, беззаконіе и его послѣдствія поставляли въ неразрывной связи, и потому перѣдко, назвавъ первое, тѣмъ самымъ дѣлали уже указаніе и на послѣднее, примѣръ чего и представляетъ, между прочимъ, разсматриваемый стихъ. По крайпей мѣрѣ только такъ понимаемый, онъ становится для насъ яснымъ. — Возвѣстивъ горе невѣрамъ, пророкъ нашъ переходитъ къ обличенію другаго духовнаго теоретическаго беззаконія своихъ современниковъ, къ обличенію

тѣхъ, которые проповѣдуютъ извращающую всѣ нравственныя основы, противную закону Божественному мораль. „Горе тѣмъ, которые зло называютъ добромъ, и добро зломъ“, и т. д.—Добро, содержимое въ помыслахъ, лелѣемое въ сердцѣ, осуществляемое въ дѣятельности, услаждаетъ самую не радостную, по внѣшнимъ обстоятельствамъ, жизнь, просвѣтляетъ въ человѣкѣ мало по малу образъ Божій, затемненный въ немъ грѣхомъ. Но нѣкоторые изъ современниковъ Исаии додумались до того, что назвали зломъ то, на что законъ указывалъ какъ на добро, а то, что законъ отвергалъ и запрещалъ, какъ зло, назвали добромъ и усмотрѣли отраду и свѣтъ въ горькихъ и мрачныхъ результатахъ зла. Горе и этимъ людямъ.—Послѣ проповѣдниковъ ложной морали осужденіе пророка коснулось высокоумныхъ мужей Израиля, считавшихъ себя мудрыми и гордившихся своею мудростію,—и попятно почему: подобные люди были далеки отъ истинной мудрости, ибо началомъ истинной мудрости, по справедливому убѣжденію ветхозавѣтнаго теократа, служить страхъ Іеговы и одно изъ основныхъ ея правилъ есть слѣдующее: не будь мудрымъ въ своихъ собственныхъ глазахъ (Прит. 3, 7). Послѣдній видъ беззаконія Израилева, обличаемаго пророкомъ есть не правосудіе. Представители правосудія въ его время, или правильнѣе во время произнесенія имъ разсматриваемаго пророчества, за подарки оправдывали виновныхъ и правыхъ лишали принадлежавшаго имъ по закону. Горькою ироніею проникнуто послѣднее пророческое обличеніе. Они храбры, говоритъ пророкъ о продажныхъ судіяхъ, но не на то, чтобы преслѣдовать преступнаго, бороться со зломъ; но на то, чтобы пить вино; они сильны, но не на то, чтобы отстоять праваго, но на то, чтобы готовить крѣпкій напитокъ.

Указавъ, въ чемъ будетъ состоять горе, ожидающее людей корыстныхъ и ведущихъ разгульную чувственную жизнь, пророкъ, при возвѣщеніи горя для перечисляемыхъ имъ грѣшниковъ, этимъ возвѣщеніемъ и ограничивается, не входя въ подробности; но это затѣмъ, чтобы въ концѣ своей рѣчи уже исключительно остановиться на изображеніи бѣдствій, имѣющихъ постигнуть избранный народъ, принесшій вмѣсто добрыхъ плодовъ дикія ягоды. И потому начиная съ 24 ст.

онъ прежде всего говорить вообще объ истребленіи не исполняющихъ Божественнаго закона, затѣмъ указываетъ на то, какъ совершится это истребленіе и наконецъ изображаетъ тѣхъ, къ которымъ будетъ совершено оно.

„24. За то, какъ огонь сѣдаетъ солому, и пламя истребляетъ сѣно, такъ истлѣетъ корень ихъ, и цвѣтъ ихъ разнесется, какъ прахъ; потому что они отвергли законъ Господа Саваоа, и презрѣли слово Святаго Израилева. 25. За то возгорится гнѣвъ Господа на народъ Его и простретъ Онъ руку Свою на него, и порази́тъ его, такъ что содрогнутся горы и трупы ихъ будутъ какъ пометь на улицахъ. И при всемъ этомъ гнѣвъ Его не отвратится, и рука Его еще будетъ простерта. 26. И подниметъ знамя народамъ дальнимъ, и дастъ знакъ живущему на краю земли,—и вотъ онъ легко и скоро прійдетъ. 27. Не будетъ у него ни усталаго, ни изнемогающаго; ни одинъ не задремлетъ и не заснетъ, и не снимется поясъ съ чреслъ его, и не разорвется ремень у обуви его. 28. Стрѣлы его заострены, и всѣ луки его натянуты; копыта коней его подобны кремню, и колеса его какъ вихрь. 29. Ревъ его какъ ревъ львицы; онъ рыкаетъ подобно скимнамъ, и зареветъ, и схватитъ добычу, и унесетъ, и никто не отниметъ. 30. И зареветъ на него въ тотъ день какъ бы ревъ разъяреннаго моря; и взглянетъ онъ на землю, и вотъ тьма горе, и свѣтъ померкъ въ облакахъ“.

Какъ огонь сѣдаетъ солому, и пламя истребляетъ сѣно; такъ истлѣетъ корень ихъ, и цвѣтъ ихъ разнесется, какъ прахъ.—Когда на деревѣ уничтожаются цвѣты и листья, дерево можетъ еще существовать; когда срубается его стволъ, въ его корняхъ еще задерживаются иногда слабые признаки жизни, подающіе надежду на возрожденіе дерева; но какъ скоро истлѣваетъ его корень, оно окончательно и навсегда стирается съ лица земли. Поэтому—сказавши, что истлѣетъ корень перечисленныхъ имъ беззаконниковъ, пророкъ тѣмъ самымъ предвозвѣщаетъ имъ конечное истребленіе. Но за что же столь страшный судъ? За то, что всѣ частные виды беззаконія, перечисленныхъ пророкомъ людей, коренятся въ одномъ величайшемъ—въ отверженіи закона Господа Саваоа и въ презрѣніи слова Святаго Израилева. Слѣдованіе

предписаніямъ закона служило источникомъ духовной жизни для Израиля, исполненіе Божественныхъ словъ обезпечивало за нимъ Всемогущую помощь. Но отвергнувъ законъ, презрѣвъ Божественное слово, Израиль, понятно, лишилъ себя и источника жизни, и Божественнаго заступничества, что было равносильно окончательной гибели. Такимъ образомъ, возвѣщаемый пророкомъ судъ не есть что-либо чрезмѣрное, несправедливое, но неизбѣжный результатъ преступной дѣятельности тѣхъ, кого имѣеть онъ постигнуть.—Какимъ же образомъ совершится это истребленіе? По слову пророка, Господь простретъ руку Свою на беззаконный народъ и поразить его такъ, что содрогнутся горы, и трупы ихъ будутъ, какъ кометь на улицахъ. Изъ приведенныхъ словъ не видно ясно, на какое именно пораженіе указываетъ пророкъ, и относительно этого можно лишь догадываться. Упомянутіе о трупахъ, валяющихся внѣ жилищъ, приводитъ къ мысли о военномъ пораженіи, объ истребленіи населенія мечемъ, упоминаніе о множествѣ труповъ—къ мысли о громадности пораженія. Не предносится ли здѣсь предъ духовнымъ взоромъ пророка нашествіе ассиріянь, или другаго какого-либо отдаленнаго и могущественнаго народа? Нѣтъ. О нашествіи отдаленныхъ племенъ говорится въ разсматриваемой рѣчи далѣе, особо, и, на описываемое въ 25 ст. пораженіе, указыв. ется какъ на бѣдствіе, предшествующее этому нашествію.—И до бѣдствій, причиненныхъ ассиріянами, и затѣмъ халдеями, избранный народъ много страдалъ отъ меча своихъ ближайшихъ и многочисленныхъ враговъ,—и именно въ правленіе іудейскаго царя Ахаза. При этомъ царѣ въ Іудею приходили идумеяне и многихъ побили и побрали въ плѣнъ; приходили филистимляне и завладѣли многими городами, истребивъ, конечно, при этомъ не мало народа. Но особенно пострадало царство Іудино при Ахазѣ, во время нашествія сиріянь и израильтянь. Сирійцы поразили войско Ахаза и отвели въ Дамаскъ множество плѣнныхъ іудеевъ; что же касается израильтянь, то они изъ числа жителей царства іудина умертвили 120 т. человекъ и 200 т. отвели въ плѣнъ (2 Парал. 28, 5—8. 17. 18). Это-то великое пораженіе, по всей вѣроятности, и предвозвѣщается пророкомъ въ разсматриваемомъ мѣстѣ. Правда, въ своей пѣсни Исаія

говорить о всемъ избранномъ народѣ и его поражениі во всей его совокупности: между тѣмъ во время войны Ахаза съ сирійцами и израильтянами была поражается лишь меньшая часть народа—мужи іудины, большая же часть — ефремляне — наносила удары; но во 1) во время этой братоубійственной войны пострадали конечно не одни жители царства іудина, но вмѣстѣ и побѣдители—израильтяне; а во 2) Исаія, говоря о всемъ народѣ, имѣлъ въ виду главнымъ образомъ царство іудино, въ которомъ онъ жилъ и исключительно дѣйствовалъ и которое, будучи управляемо домомъ Давидовымъ, владѣя Іерусалимомъ и законнымъ святилищемъ, въ дѣйствительности представляло собою и совмѣщало въ себѣ весь избранный народъ съ точки зрѣнія теократической, такъ что его поражениі могло быть созерцаемо пророкомъ, какъ поражениі всего народа. Желая указать на великость предстоящаго поражениа, пророкъ замѣтилъ, что Господь поразитъ Свой народъ такъ, что содрогнутся горы, или, что то же, земля, населенная народомъ, состоящая главнымъ образомъ изъ горъ. Слова эти конечно нельзя понимать буквально; но въ то же время они не исключительно метафора. Во время народныхъ бѣдствій, особенно же во время страшныхъ непріятельскихъ нашествій страждетъ и какъ бы содрагается самая страна. Особенно же, такъ было въ древности, при варварскомъ веденіи войнъ. Вмѣстѣ съ истребленіемъ народонаселенія, съ разрушеніемъ сель и городовъ, непріятельскія орды намѣренно затапывали поля и луга, вырубали и жгли сады и лѣса, засаривали источники, колебали самую почву своими многочисленными колесницами и, нерѣдко, навсегда губили страну. Кому неизвѣстно, что многія песчанья, безжизненные пустыни Азіи были нѣкогда цвѣтущими странами, запустѣвшими и омертвѣвшими главнымъ образомъ вслѣдствіе непріятельскихъ нашествій. Но какъ ни велико предстоящее незаконному народу поражениі, отъ котораго содрогнутся горы Палестины, имъ не закончатся его бѣдствія. „Гнѣвъ Іеговы не отвратится“, говоритъ пророкъ, „и рука его еще будетъ простерта“. За сказаннымъ поражениемъ послѣдуетъ еще болѣе грозное нашествіе, еще болѣе грозныхъ непріятелей.

Господь „подниметъ знамя народамъ дальнимъ, и дастъ

знакъ живущему на краю земли,—и вотъ онъ легко и скоро прійдетъ“. Народы дальніе, живущіе на краю земли—это народы Ассирійской монархіи, они называются такъ потому, что для ветхозавѣтныхъ доплѣнныхъ евреевъ Евфратъ, на сѣверовостокъ отъ Палестины, служилъ границею между извѣстнымъ и неизвѣстнымъ въ географическомъ отношеніи. За этою рѣкою по вз. представленію лежали уже концы земли (Ис. 71, 8; Зах. 9, 10). Народомъ, идущимъ изъ дальней страны, отъ края земли, Исаія называетъ въ частности мидянъ въ своемъ пророчествѣ о Вавилонѣ (13, 5, 17). Не по своему произволу далекій неизвѣстный врагъ предприметь нашествіе на Палестину, но вслѣдствіе воздѣйствія на него разгнѣваннаго Іеговы. Это воздѣйствіе пророкъ изображаетъ подъ двумя образами: Іегова „подниметъ знамя“ для грознаго врага „и дастъ знакъ“ ему. Знамя выставлялось на какой либо особенно выдающейся горной вершинѣ съ цѣлію созванія народа къ извѣстному пункту. Поднятіе знамени—любимый образъ Исаіи для обозначенія возбуждающаго дѣйствія Іеговы на народныя массы; такъ онъ употребленъ имъ въ 11, 12, 13, 2 и въ др. м. Нужно замѣтить, что знамя, о которомъ здѣсь рѣчь у пророка и которое, въ подлинникѣ названо „нисъ“, должно быть отличаемо отъ военнаго знамени: еврейское названіе послѣдняго—„дегель“. „Дастъ знакъ“—собственно: издастъ извѣстный звукъ, свистнетъ, или какъ выражено въ славянс. переводѣ, согласно съ подлинникомъ и пер. LXX: позвиждетъ. Это второй образъ, употребленный пророкомъ; онъ взятъ изъ практики пчеловодовъ. Пчеловоды, для того, чтобы вызвать пчелиный рой изъ улья и заставить его летѣть, или, наоборотъ, чтобы привлечь его въ улей, издають иногда извѣстные звуки, насвистываютъ и, тѣмъ привлекая вниманіе пчелъ, достигаютъ своей цѣли. Употребляя этотъ образъ, пророкъ, хочетъ показать, что воздѣйствіе Іеговы на невѣдомый народъ будетъ такъ сильно, что этотъ народъ невольно, несознательно подчинится ему. Этотъ же образъ употребленъ Исаіею въ 7 гл. его книги и раскрытъ особенно ясно. Здѣсь пророкъ ассирійцевъ, привлекаемыхъ свистомъ, прямо называетъ пчелой, и говоритъ, что пчелы—ассирійцы, прилетѣвъ на призывъ, усядутся по доламъ, разсѣлинамъ скаль, кустарникамъ и

деревьямъ (ст. 19). Божественный призывъ не остается напраснымъ: призываемый „*легко и скоро прійдетъ*“. Онъ уже идетъ и пророкъ ясно и отчетливо видитъ его своимъ духовнымъ окомъ. Идущій полонъ силъ: нѣтъ „*у него ни усталого* ¹⁾, *ни изнемогающаго*“; онъ не обыкновенно бодръ: никто у него „*не задремлетъ и не заснетъ*“; онъ тщательно приготовленъ къ должному пути; принадлежности его одежды и обуви отличаются прочностію: „*не снимется поясъ съ чреслъ его, и не разорвется ремень у обуви его*“. Поясъ, упоминаемый здѣсь,—это поясъ, которымъ схватывалась широкая нижняя одежда, дабы она не раздувалась при ходьбѣ и работѣ. Поэтому всякій, кто отправлялся въ путь, или приступалъ къ занятію, требовавшему движенія, особенно же воинъ, приготовлявшійся къ сраженію, долженъ былъ опоясываться. Для война поясъ имѣлъ значеніе и въ другомъ отношеніи: за поясъ у него закладывался боевой мечъ. Далѣе—идущій и приближающійся оказывается врагомъ, совершенно готовымъ вступить въ бой; съ поразительною отчетливостію пророкъ видитъ заостренныя стрѣлы грознаго непріятеля, его натянутые луки, видитъ не только запряженныхъ въ колесницѣ коней, но и ихъ копыта, не только колесницы, но и то, что колеса колесницъ быстро вращаются, подобно вихрю, и своимъ быстрымъ вращеніемъ производятъ вихрь.—Колесницы, запряженные конями, о

1) 27 ст. въ русск. переводѣ начинается словами: „не будетъ у него усталого“; въ славянскомъ: „не взлчуть“, согласно съ пер. LXX: *οὐ περιλάσσοσιν*. Причина этой разности—въ подлинномъ текстѣ. Приведеннымъ выраженіямъ русск., славянск. и греч. переводовъ въ подлинникѣ соотвѣтствуетъ выраженіе: „енъ аефъ“. „Аефъ“ зн. „усталый, утомленный, томящійся подъ тяжестію номи“, особенно „томящійся жаждою“; отсюда въ подлинной Библии встрѣчаются такіа выраженія: нефешъ аефа—жаждущая душа (Іер. 31, 25), ерецъ аефа—жаждущая земля (пс. 142, 6); аефъ зн., наконецъ, томящійся, или истомленный голодомъ; въ этомъ смыслѣ „аефъ“ употреблено въ исторіи Исава и Іакова; Исавъ продалъ свое первородство Іакову за кушанье, приготовленное послѣднимъ, при чемъ въ библейскомъ повѣствованіи о Исаѣ замѣчено, что онъ былъ „аефъ“; то же самое сказалъ о себѣ и Исавъ, мотивируя свою просьбу о кушаньѣ (Быт. 25, 29, 30). Имѣя въ виду это послѣднее значеніе, LXX слова подлинника, „енъ аефъ“ и передали выраженіемъ „*οὐ περιλάσσοσιν*“ по славянск. не взлчуть; русскіе же переводчики приняли во вниманіе общее значеніе слова „аефъ“, что имѣетъ болѣе основаній, и „енъ аефъ“ передали: „не будетъ усталого“.

которыхъ упоминаетъ пророкъ, дѣйствительно употреблялись въ бояхъ древними восточными народами, между прочимъ Вавилонянами и ассиріянами. На остаткахъ древнихъ вавилонскихъ и ассирійскихъ построекъ, откопанныхъ въ последнее время, кромѣ клинообразныхъ надписей, найдено множество изображеній, въ ряду которыхъ изображеніе войска и его вооруженія занимаютъ первое мѣсто. Изъ этихъ-то изображеній открывается, что одно время военныя колесницы составляли главную силу ассирійскаго войска. На каждой колесницѣ помѣщался стрѣлокъ, возница и, иногда, еще щитносецъ, прикрывавшій стрѣлка щитомъ. Впрочемъ, какъ можно видѣть изъ тѣхъ же изображеній, постепенно покрывавшихъ стѣны дворцовъ, колесницы у ассирянъ мало по малу были вытѣснены конницею и остались лишь принадлежностію вождей и царя, по большей части сражавшагося во главѣ своего войска. Колесницы запрягались тройкою лошадей ¹⁾.—Въ древности кони не подковывались, и потому для военныхъ колесницъ и для воиновъ—всадниковъ выбирались кони, отличавшіеся крѣпостію копытъ. Такими именно копытами обладали и кони, о которыхъ говоритъ нашъ пророкъ, и потому онъ замѣчаетъ, что копыта коней непріятеля подобны кремню.—Полный силъ, энергичный, хорошо одѣтый и вооруженный, готовый къ бою непріятель имѣеть, наконецъ, по изображенію пророка, ужасающій видъ; онъ подобенъ льву, его военные крики напоминаютъ ревъ молодыхъ львовъ (скимновъ), даже ревъ морскихъ волкъ, разбивающихся о берегъ; и это уже не левъ въ спокойномъ состояніи, а левъ голодный, разъяренный, стремительно бросающійся на добычу; отъ такого врага нельзя уже ожидать пощады и нѣтъ надежды побороть его.

Да, несчастна земля Израилева, навлекшая на себя столь великое бѣдствіе; и это несчастіе пророкъ изображаетъ въ послѣднихъ словахъ своей пѣсни: взглянетъ онъ, Израиль, застигнутый врасплохъ, вокругъ себя и почувствуетъ, что непроглядная тьма бѣдствій окутала его, и этой тьмы не прорѣзываетъ ни одинъ отрадный лучъ свѣта.

И. Е.

¹⁾ Астафьевъ, Развалины Вавилона и Ассиріи. Журналъ М. Нар. Пр. 1878 г., стр. 15.